

На правах рукописи

Кардаш Олег Викторович

**КУЛЬТУРА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
БАССЕЙНА РЕКИ НАДЫМ
конца XVI – первой трети XVIII вв.
(по материалам раскопок Надымского городка)**

Специальность 07.00.06. – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2006 г.

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, профессор
Овчинникова Бронислава Борисовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Хорошев Александр Степанович

кандидат исторических наук,
Федорова Наталья Викторовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский
государственный университет»

Защита состоится 28 февраля 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д. 002. 052. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Институте истории материальной культуры РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

П.Е. Нехорошев

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Проблема генезиса аборигенного населения субарктической зоны Северо-Западной Сибири является одной из слабо исследованных в Сибирской регионалистике. В настоящее время, благодаря интенсивному нефтегазовому освоению Севера, появилась возможность в широких масштабах проводить работы по изучению и сохранению древних культурных ценностей коренных народов Субарктики.

Основная часть исследованных археологических объектов в Северо-Западной Сибири относится к периоду до XIV–XV вв. Достаточно хорошо изучена история и материальная культура аборигенных народов региона для периода XIX–XX вв. Что же касается, промежутка времени с XVI по XVIII вв., то в археологическом отношении он остался «белым пятном». Однако, именно, в этот период происходят события, не только радикально изменившие историю края, но и повлиявшие на развитие культуры всех ныне живущих на Крайнем Севере коренных народов (3. Кардаш, 2000). Ранее подавляющее большинство археологических объектов изучалось в Среднем Приобье – районе, где степень сохранности вещей крайне низка. В результате этого в распоряжение исследователей поступала лишь незначительная часть некогда бытовавших предметов материальной культуры, которых явно недостаточно и для сравнения с современными аборигенными культурами и для аргументированных выводов о развитии материальной культуры и этногенезе этих народов (6. Кардаш, 2002). Лишь недавно, в 1998 году с раскопок верхних слоев Надымского городка (конец XVI – первая треть XVIII вв.), начато изучение позднесредневековых памятников с замороженным культурным слоем, содержащим практически весь вещевой набор. В результате появляется возможность составить наиболее полное и объективное представление о культуре народов, населявших эту местность в прошлом. Полученный комплекс археологических данных, помогает всесторонне решать проблемы исторического развития населения как локальной территории – бассейна реки Надым, так и обширного региона Северо-Западной Сибири.

Вышесказанное определяет актуальность темы настоящего исследования в научно-теоретическом плане. С практической стороны актуальность работы связана с необходимостью введения в научный оборот новых материалов, полученных путем комплексного исследования Надымского городка, проведенного под руководством автора. Эти источники позволяют раскрыть новые страницы истории аборигенного населения края конца XVI - первой трети XVIII вв.

Цель диссертации заключается в том, чтобы на основе данных, полученных в результате комплексного изучения Надымского городка, попытаться максимально полно воссоздать историческое прошлое народов, населявших бассейн реки Надым в конце XVI – первой трети XVIII вв.

Для достижения этой цели в работе решается ряд **задач**: проанализировать письменные, картографические, археологические, этнологические, палеоэкологические и другие источники; сопоставить результаты исследований; провести возможную реконструкцию материальной культуры, архитектуры, системы хозяйства, этнической принадлежности населения и социальной организации общества.

Объект исследования – культура туземного населения бассейна р. Надым в начальный период русской колонизации Сибири конца XVI – первой трети XVIII вв.

Предмет исследования – материалы, полученные в результате комплексных исследований слоев XVI–XVIII вв. Надымского городка – населенного пункта аборигенов в Северо-Западной Сибири, изучавшегося под руководством автора в 1998–2005 гг.

Географические рамки. Памятник расположен в дельте реки Надым, в 25 км от устья, на пойменном острове размерами 80×25 м. По современному административно-территориальному положению место нахождения Надымского городка принадлежит Надымскому району Ямало-Ненецкого автономного округа в 60 км к северу от города Надым.

Хронологические рамки исследования определены в интервале: конец (последняя четверть) XVI – первая треть XVIII вв. и обосновываются, прежде всего, комплексом источников данного периода, в первую очередь – археологических, полученных в результате раскопок Надымского городка. В настоящее время раскопками изучен практически весь культурный слой поселения, относящийся к этому времени, и определена дата прекращения его функционирования – зима-весна 1730 г. Культурные же слои более раннего периода (IX – середины XVI вв.) спрессованы и схвачены вечной мерзлотой, и их исследование станет возможным лишь спустя длительное время. Другой хронологический критерий это принятый в отечественной историографии период истории России – время официального освоения Сибири (конец XVI – начало XVIII вв.). Данные рамки обусловлены рядом общеизвестных событий. Первые, «нижние», ограничиваются походом Ермака (1581–1585 гг.) и строительством первых русских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594), Мангазея (1601). Вторые, «верхние», отмечены завершением периода правления Петра I, предпринявшего серию реформ, отчасти изменивших дальнейшее историческое развитие региона. В частности, меры по ограничению самостоятельности губернаторов (казнь губернатора М.П. Гагарина) и начало крещения сибирских аборигенов Фелофеем Лещинским (1710–1727 гг.).

Источниковая база исследования. В основу изучения положены материалы, полученные автором в процессе археологических раскопок на Надымском городке. На оставшейся к настоящему времени части территории памятника (ок. 1200 кв. м) раскопано 650 кв. м, из которых 350 кв. м – это вся сохранившаяся площадь оборонительно-жилого комплекса, где изучено 16 жилых и хозяйственных построек. Полученная коллекция состоит из 5900 артефактов 250 категорий (*4. Кардаш, 2001*). Обнаружены останки 13 жителей городка. Найдено около 124 000 костных останков животных, собраны образцы культурного слоя. Взято 1350 образцов древесины для дендрохронологического анализа, из которых датировано около 600 экз. Кроме этого в исследовании использованы результаты дендрохронологических, археозоологических, антропологических, карпологических, историко-архитектурных, историко-архивных и этнологических исследований. В архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Тобольска выявлено более двадцати картографических и письменных источников. Проведены полевые этнографические исследования и проанализированы известные данные. Выполнены историко-архитектурные исследования, на основании чего специалистами сделаны эскизные реконструкции планировки городка, оборонительно-жилого комплекса и нескольких построек разных типов (*12. 13. Кардаш, 2004*).

Методика исследования, основанная на комплексном историкоэтнографическом подходе к изучению памятника, включала два основных этапа исследований – вы-

явление и анализ источников. Причем на обоих этапах изучение материалов происходило с применением не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Полевые работы проводились на объекте неординарной сохранности, что выражалось, в первую очередь, в наличии замороженного культурного слоя. Это обстоятельство сразу же потребовало разработки специфических подходов к его изучению (8. Кардаш, 2002). Вещевой комплекс в данной работе анализируется методом типологии с привлечением аналогий с сопредельных территорий.

Научная новизна определяется введением впервые в научный оборот вышеупомянутого круга источников. Настоящая работа выполнена на основе новых материалов, полученных непосредственно автором в результате раскопок в бассейне реки Надым, проводимых археологической экспедицией НПО «Северная археология», с привлечением комплексных исследований.

Теоретическая значимость диссертации заключается в осмыслении места и роли жителей Надымского городка в истории аборигенного населения субарктической зоны Сибири в один из наименее изученных периодов – XVI–XVIII вв.

Практическая значимость работы. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения этнической и социальной истории коренных народов Севера, а так же проблем начального периода русской колонизации Сибири. Информированность о конкретной культурно-исторической ситуации на территории региона позволит реконструировать некоторые основы сложения современной этнической карты Западной Сибири и взаимодействия с соседними территориями. Основные положения диссертации можно использовать в обобщающих трудах, как по истории края, так и по истории России.

Апробация результатов. Основные положения диссертации обсуждены на 13 научных семинарах, конференциях и симпозиумах: Тобольск (2000–2004), Ханты-Мансийск (2002, 2006), Тюмень (2002), Салехард (2002, 2004, 2006), Томск (2005), Новосибирск (2006). Настоящая диссертационная работа неоднократно обсуждалась на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и кафедры истории России исторического факультета УрГУ. Основные положения диссертации опубликованы в 17 печатных работах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также включает текстовые приложения и альбомы иллюстраций. Семь разделов приложений включают: архивные документы, этнографические источники, систематические таблицы, картографические материалы, чертежи, архитектурные реконструкции, фотоматериалы и рисунки артефактов.

Основное содержание работы

Введением обосновывается актуальность темы диссертации, формируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет, территориально-хронологические рамки, описывается методика выполнения работы, характеризуется научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Источники и историография» состоит из пяти параграфов и посвящена обзору источников и литературы.

В первом параграфе отражены *письменные источники*, которые представлены сведениями из истории поселения в бассейне р. Надым на широком фоне исторических источников. Среди них привлекались сведения иностранных авторов. Они немногочисленны, но крайне любопытны и имеют особую ценность в связи с тем, что предоставляют наиболее ранние сведения, относящиеся к периоду до XVII в. Так первое упоминание о реке Надым (1549 г.) – «Данадим» (скорее: «да Надым») – содержится в «Записках о Московии» С. Герберштейна. Впервые сам городок упоминается в описании пути через «Камень» в перечне пяти городков, расположенных в низовьях Оби (А. Марш, 1584 г.), где «Пятый – Надежная (Nadesneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия. Отечественные письменные источники по интересующей нас проблеме практически отсутствуют до рубежа XVI–XVII вв., т.е. до присоединения Западной Сибири к Русскому государству (2. Кардаш, 2000).

Русские делопроизводственные документы занимают особое место. Большая их часть находится в Фонде Сибирского приказа РГАДА. В настоящем исследовании автором использованы девятнадцать делопроизводственных документов охватывающих период с 1636 по 1679 год. Заметим, что и это число документов для данного исследования весьма существенно, если учесть то, что ранее они никогда не рассматривались вместе, и тем более – в комплексе с другими видами исторических источников.

В XVIII в. наряду с делопроизводственными документами появляется новый вид источников – это материалы отечественных академических экспедиций. Среди них обращает на себя внимание рапорт лейтенанта Д.Л. Овчина в Адмиралтейскую коллегию о плавании летом 1734 г. в Обской губе. Первое же подробное описание Надымского городка и места его расположения, составленное на основе опросов местных жителей, содержится в путевых дневниках Г.-Ф. Миллера (1740). Он кратко описывает сооружение, количество жителей, а так же и то обстоятельство, что «... весной 1730 г. эти остьяки перенесли большой голод, от которого ... бежали в Обдорск. С того времени острог вместе с юртами разрушился». Этот год можно считать датой прекращения функционирования городка. Отметим, что поражает сам факт распространенности сведений о Надыме и городке в письменных источниках, в отличие от сведений о других многочисленных остяцких населенных пунктов.

Во втором параграфе представлены русские *картографические материалы*. Из них наибольший интерес представляет чертеж «Море Мангазейско с урочищи», дошедший до нас в составе «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. Это наиболее раннее изображение места расположения Надымского городка. Составление этого чертежа, по мнению М.И. Белова, относится к 1601–1603 гг. Самому Ремезову чертеж, возможно, и не принадлежал. Вместе с тем, его авторству принадлежит «Служебная чертежная книга Сибири» (1701 г.), в которой имеется чертеж Березовского уезда, где обозначены юрты Надымские.

Следующий источник, содержащий данные о месте расположения Надымского городка, – это карта нижнего течения реки Оби и Тазовской губы (1727 г.), составленная П. Чичаговым. Выявленные картографические источники содержат не просто данные о месте расположения населенного пункта, а дополняют круг письменных источников информацией о статусе городка как административного и торгового центра.

Третий параграф освещает историю *археологического* изучения проблемы. В нем анализируются исследования, проведенные на памятнике в разные годы. Впервые на руинах Надымского городка в 1916 г. побывал Г.М. Дмитриев-Садовников, который описал его и собрал небольшую коллекцию артефактов. В 1976 г. городок обследовал Л.П. Хлобыстин, который оставил весьма интересные фотоматериалы внешнего вида городка.

С 1998 г. по настоящее время на Надымском городке экспедицией НПО «Северная археология» под руководством автора проводятся стационарные комплексные археологические исследования памятника (10. 14. Кардаш, 2003, 2005). Они являются весьма значимыми и перспективными, тем более что осуществление их и анализ полученных данных происходит в комплексе с такими науками, как этнография, антропология и палеоэкология.

Четвертый параграф содержит *данные этнографии и антропологии*. В разделе анализируются ранее опубликованные материалы, а также приводятся результаты новых этнологических и антропологических исследований проведенных экспедицией в рамках комплексного изучения Надымского городка. По письменным источникам XVII–XVIII вв., известно, что в нижнем течении реки Надым проживали остяки и самоеды. По материалам Г.М. Дмитриева-Садовникова (1916 г.) население этих мест было полиэтничным: самоеды-ненцы (тундровые и лесные), остяки-ханты, коми-зыряне и русские. Важно отметить мнение автора о том, что самодийское население Надыма древнее остяцкого. Этнограф Г.Д. Вербов зафиксировал на Надыме две группы ненцев – тундровых и лесных, сильно отличающихся друг от друга по языку и этническому самосознанию. В.И. Васильев, сообщая об этих двух группах, высказал мнение, что таежная зона Надыма была освоена самодийцами – предками ненцев, носителями этнонима Кара (Харю), вошедшими в состав лесных ненцев как род Вэла.

В результате наших исследований зафиксировано, что в Надымском районе этнографическая группа ненцев включает две территориальные подгруппы: населяющие побережье губы – зону тундры – *ям хасово* или *вын хасово*, и населяющие лесотундровую зону – *няд' хасово*, *пяки*. Лесные ненцы в прошлом говорили на особом диалекте, ныне же утратили свою языковую и хозяйственно-культурную специфику, но сохранили особое самосознание, основанное на противопоставлении себя тундровым ненцам.

Кроме того, описан ряд легенд, одна из которых повествует о давних войнах Анагуричи (*ям хасово* – «береговые») с соседями (*недэра хасово* – «лесными») из-за земель. Другая – о происхождении ненецкого рода Нядонги от последнего жителя Надымского городка. Из неё следует, что городок прекратил существование после нападения врагов, причиной которого было устранение сильного вождя и его семьи. В этой связи особо важны результаты антропологического исследования обнаруженных при раскопках городка скелетов, из которых фрагменты от девяти – находились в постройке № 8. Исследование черепов позволило отнести их к антропологическому типу, близкому современным ненецким популяциям. Обращает внимание большой рост женщин (157–161 см), значительно превосходящий показатели для современных ненков и хантыек (около 150 см), что позволило высказать гипотезу о принадлежности останков высокорослой группе енисейского (североуральско-

го) антропологического типа. Становится очевидным, что до первой трети XVIII в. в городке одновременно проживали две этнические группы – остяки и самоеды, из которых последние занимали привилегированное положение (7. Кардаш, 2002).

Пятый параграф представляет результаты *палеоэкологических* исследований (археозоологических, карпологических и дендрохронологических). Определено, что костные остатки животных принадлежали 17 видам млекопитающих, 29 видам птиц и 14 видам рыб. Почти все кости млекопитающих принадлежат диким видам, среди которых доминируют заяц-беляк, песец и северный олень тундрового и лесного подвидов (5. Кардаш, 2001). По мнению П.А. Косинцева, кости северного оленя таежного подвида могли принадлежать домашней форме. К, безусловно, домашним видам относятся свиньи и собаки. Среди останков птиц доминируют кости белой и тундряной куропаток. Судя по видовому составу, промысел животных и птиц проводился, главным образом, в холодное время года – с середины осени (октябрь) до середины весны (апрель). Незначительное количество костей видов, добыча которых ведется летом, свидетельствует о том, что в этот период население в городке практически отсутствовало. Обращает внимание малое число костей рыб. Основными промысловыми видами рыбы были щука, нельма и различные сиговые.

Анализ проб почвенных монолитов культурного слоя не выявил семян и плодов культурных растений. В результате датировка образцов древесины, по дендрохронологическому методу определено, что в слое отсутствуют деревья срубленные позднее первой трети XVIII в. В слое XVII–XVIII вв. мощностью около 1,3 м присутствует древесина разного времени, начиная с XI–XIII вв., что свидетельствует о её многократном использовании (9. Кардаш, 2002). Анатомический анализ древесных остатков показал, что для строительства в основном использовалась древесина лиственницы, ели и, в меньшей степени, кедра.

Вторая глава «Планировочная структура и архитектура Надымского городка» включает три параграфа освещающие все архитектурные особенности памятника. Остатки построек и общественных сооружений конца XVI – первой трети XVIII вв., имеют оптимальную сохранность для достоверной реконструкции. Несмотря на утраты, сейчас это первый самый значительный комплекс архитектурно-планировочных данных о позднесредневековом населенном пункте аборигенов Северо-Западной Сибири.

В первом параграфе представлена *общая структура и внутритерриториальные связи* Надымского городка. Его территория имела форму овала, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток. Реконструируемые общие размеры площадки городка составляют 80×40 м. Планировочная структура включала несколько функциональных зон оборонительно-жилого, хозяйственно-бытового, торгово-гостевого и ритуального назначения. В центре площадки, располагалась жилая зона – комплекс построек внутри оборонительного сооружения общими размерами 35×20 м. Ее планировочную композицию составляет овал, сформированный наружной стеной, расчлененный по длинной оси на две равные половины улицей – центральным проходом. Внутреннее пространство каждого сегмента дополнительно разграничено перегородками на сектора – кварталы. На исследованный нами период – с конца XVI по первую треть XVIII вв. – планировочная схема оборонительно-жилого комплекса городка реконструируется как четырех-, позднее, шестиквартальное сооружение.

Сооружение имело единую кровлю. Жилой комплекс опоясывала искусственно сформированная из строительного мусора и различных отходов терраса. Разные участки террасы имели отличное друг от друга функциональное назначение. Они условно разделены на отдельные многофункциональные площадки: северо-западную, северо-восточную, южную и западную.

Внутритерриториальные связи городка осуществлялись преимущественно в зимнее время, когда водоемы покрывались льдом, а в городке проживала основная часть населения. В этот период осуществлялись ближние перемещения: к стаду домашних оленей и на охотничьи промыслы, и дальние – периодические военные операции на западных направлениях: Обдорский (Полуйский) городок (ок. 300 км), Пустозерский острог (ок. 900 км) и др. Сезонная миграция основного населения происходила весной (в апреле) на север и осенью (в октябре) на юг, обратно в городок, когда Обская губа и реки были покрыты льдом. Летом связь с другими пунктами, промысловыми угодьями осуществима только по воде.

Второй параграф раскрывает особенности *архитектурно-пространственной организации оборонительно-жилого комплекса*. Наружные стены были не только элементом фортификации жилой зоны, но и важным конструктивным элементом всего сооружения. Жилой комплекс городка имел в качестве фортификационного укрепления каркасно-стеновую конструкцию. Основу наружных стен составлял сплошной ряд вертикально установленных плах и бревен. Позднее, в условиях дефицита дерева конструкция ограждающей стены набиралась из удаленных друг от друга столбов. Пространство между ними заполнялось жердями или ветками. Дополнительно на всю высоту палисада снаружи была сделана насыпь из культурного слоя, который мог удерживаться путем замораживания. Высота наружных стен реконструируется в пределах 3,0–3,5 м.

Кровля оборонительно-жилого комплекса реконструируется на основе остатков дощатого настила, фрагментов закопченных балок, индивидуальных берестяных крыш построек. Очень плотная застройка жилой зоны и чрезвычайно узкие проходы не могли эксплуатироваться в зимнее время без единого перекрытия всего комплекса. Логичку единого перекрытия диктует не только защита построек от больших снежных масс зимой, но и от штормовых ветров и дождей летом, когда основное население покидало городок. Для создания каркаса единой кровли, по-видимому, была применена система перераспределения нагрузки перекрытия через достаточно мощные балки (ригеля) и прогоны. В качестве гнета кровли использовали дерн.

Конструкция внешних входов восстанавливается по остаткам входа в северо-западной оконечности центральной улицы. Принцип, лежащий в основе его конструкции, аналогичен конструкции входов в жилые помещения. Вероятно все другие внешние входы строились по этой же схеме. Вход в сооружение предварял небольшой коридор справа и слева ограниченный частоколом из толстых бревен, образовывавших вместе с перекрытием своего рода нишу перед входом. Он закрывался одностворчатой дверью без петель. В результате перестройки в конце первой трети XVII века появился послеходовый тамбур. Внутренние стены формировали улицу и многоквартильную структуру городка. Они выполнялись из горизонтального на-

бора бревен, удерживаемых от горизонтального смещения вертикальными столбами.

Планировочная структура жилого комплекса функционировала и возобновлялась на протяжении всего последнего периода существования городка. Изменения происходили лишь во внутренней планировке сегментов. Каждый из сегментов был разделен на сектора – жилые кварталы – перегородками, перпендикулярными центральной улице. Такое разграничение внутреннего пространства каждого сегмента позволяет охарактеризовать общую планировку жилого комплекса городка как уличную, прямоугольно-прямолинейную. Наличие в застройке северного и южного сегментов жилых построек, обращенных друг к другу выходами (в западном и северном «остяцких» кварталах), позволяет дополнительно охарактеризовать ее как зеркально-симметричную. Планировка и архитектура застройки сегментов со временем изменялись. Неизменными оставались контуры внешних конструкций и основной оси, а также соблюдение принципа зеркальности.

Таким образом, оборонительно-жилой комплекс Надымского городка реконструируется как фортификационное сооружение со специфической конструкцией системы обороны, основанной на особенностях локальных ландшафтно-топографических условий. Хорошую защиту городка в зимнее время, когда в нем проживала основная масса населения, обеспечивало использование льда, а в летнее, когда его покидали жители, защищала маскировка под сопку – естественный элемент ландшафта.

С конца XVI в. оборонительно-жилой комплекс неоднократно реконструировался. Каждое новое здание строили поверх остатков предшествующего, используя его в качестве фундамента. Выделены два этапа развития планировочной структуры и архитектуры, основанных на радикальном изменении пространства. Первый этап – с конца XVI по середину XVII вв., получивший название «предпоследний», второй этап – с середины XVII по первую треть XVIII вв., назван «последним».

На «предпоследнем» этапе в каждом из сегментов городка формируется двухквартальная структура. В «самоедском» квартале № V и, вероятно, в зеркальном аналогичном квартале № VI были построены большие дома каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом и наружной галереей. К северо-западу от «самоедских» кварталов № V и № VI располагались «остяцкие» кварталы № I и № II. В пространстве каждого из них размещалось восемь построек жилого и хозяйственного назначения и хранилища (погреб) для продуктов.

На «последнем» этапе в середине XVII в. формируется шестиквартальная структура жилой зоны, усложняется конструкция входов, изменяется архитектура как «самоедских», так и «остяцких» построек. В южной части «остяцкого» квартала № I поверх шести построек жилого и хозяйственного назначения, был сооружен один большой дом каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом (постройка № 8) и хозяйственная пристройка к нему. Таким образом, возник новый квартал № III, который атрибутирован как «самоедский». Таким же образом формировался и квартал № IV. После реконструкции в «остяцком» квартале № I остаются две жилые и одна хозяйственная постройки и помещение для содержания животных (собак), а в северном квартале № II – четыре жилых и одна хозяйственная. Таким образом с середины XVII по первую треть XVIII вв. архитектурный ансамбль На-

дымского городка составляли уже шесть кварталов – два «остяцких» и четыре «самоедских».

«Остяцкие» кварталы № I и № II представлены остатками 36 построек жилого и хозяйственного назначения. Жилые постройки были деревянными четырехстенными и имели средние размеры от 2,0×2,0 до 2,5×2,5 м. На «предпоследнем» этапе жилые дома имели каркасно-дощатую конструкцию. Стены постройки состояли из набора досок вертикально установленных по наружному периметру каркаса. Крыша формировалась из набора жердей перекрытых берестой. Открывание дверей – беспетельное, внутрь жилища. Постройки имели открытый центральный очаг. Нары размещались у противоположной от входа стены. На «последнем» этапе – в середине XVII в. – в интерьере появляется глиняная печь в виде камина – «чувал». В конце XVII века центральный очаг исчезает из интерьера жилых домов остяков. В ряде случаев каркасно-дощатые строения заменялись срубными. Построек, выполненных в срубной зафиксировано две (11. Кардаш, 2003).

Хозяйственные постройки остяков на обоих этапах выполнялись из досок рубкой «в охряпку». Доски, от горизонтального смещения, дополнительно скреплялись при помощи вертикальных жердей. Размеры построек были приблизительно одинаковыми 2,1×2,1 м. Пол закрывался сплошным набором досок или плах, очаг отсутствовал.

Архитектура построек «самоедских» кварталов № III и № IV восстанавливается по остаткам постройки № 8 общими размерами 7×6 м, имевшей каркасно-столбовую конструкцию. Жилое помещение постройки (5×4 м) располагалось в центральной части квартала. Его стены выстроены в технике заплота. Вход шириной 1 м, дверь отсутствовала. Пол был тщательно выстлан досками. Большой открытый очаг находился в центре. По внешнему периметру центрального помещения находился круговой обход-галерея. Пространство галереи образовывали наружные стены постройки, которые были выполнены из вертикально установленных досок. В лицевом фасаде постройки находилась конструкция входной двери, к которой с улицы вел небольшой коридор.

Северо-восточный квартал № IV почти полностью уничтожен руслом протоки. От него сохранились только фрагменты конструкции внутренних перегородок и угол постройки с дощатыми стенами аналогичные постройке № 8.

Архитектура построек «самоедских» кварталов № V и № VI восстанавливается по остаткам постройки № 12, близкой вышеописанной постройке 8 (квартал № III). Стены постройки были выполнены из вертикально установленных досок. Не понятно, было ли отделено перегородкой центральное помещение, поскольку отсутствуют остатки каких-либо элементов такой конструкции. Вместе с тем, центральное пространство (помещение) размерами 5,0×4,5 м обозначено в плане массивными плахами, аналогичными плахам, уложенным вдоль наружного периметра. Эти два периметра образуют фундамент для досок, выстилающих подиум вдоль стен. Пол в центральной части постройки был выстлан досками и по уровню находился ниже подиума (нар) на 0,2 м. Центральный очаг ограничивала рама. Восточный квартал № VI полностью уничтожен руслом протоки. Он реконструируется только на основе принципа зеркальной аналогии «самоедскому» кварталу № V и постройке № 12.

Третий параграф характеризует *многофункциональные площадки*. На террасе, опоясывавшей жилую зону, не зафиксированы остатки каких-либо построек или сооружений (кольяев, столбов, загородок). В связи с этим она условно разделена на отдельные площадки.

Северо-западная площадка сохранилась почти полностью. На ней выявлено несколько кострищ на глиняных основаниях. Культурный слой площадки насыщен находками, практически так же, как пространство жилого комплекса. В основном артефакты концентрируются именно у кострищ. Возможно, очаги и скопления артефактов маркируют места расположения чумов, которые могли временно устанавливать здесь летом или зимой. Не исключено, что на площадке могли стоять чумы общинников или гостей, приехавших в городок для меновой торговли. Поэтому ее функционально определили как «гостевую».

Западная площадка большей частью уничтожена пожаром. На отдельных ее участках, выявлено практически полное отсутствие артефактов и даже костных остатков, что может свидетельствовать о том, что человеческая деятельность на ней была ограничена. Возможно она была занята чем-то другим, например, оленьими упряжками.

Южная площадка примыкала к той части жилого комплекса, где, предположительно, проживало автохтонное и наиболее привилегированное население Надымского городка. Комплекс данных, полученных при исследовании южной площадки, позволяет сделать вывод о том, что она, в первую очередь, служила местом, где проводились общественные мероприятия, осуществлялись религиозные обрядовые действия, включавшие ритуальные жертвоприношения.

Северо-восточная площадка была обращена прямо к протоке и полностью уничтожена ее руслом. Ее конфигурация и функции реконструируются гипотетически. Она существовала как буферная зона и обеспечивала стабильность несущих конструкций жилого комплекса. Одна из её возможных функций – пристань.

Третья глава «Вещевой комплекс Надымского городка как отражение уровня развития культуры аборигенного населения Субарктики» состоит из семи параграфов, в которых предметы материальной культуры описываются по функциональному признаку.

В первый параграф включены *детали костюма*: одежда, обувь, украшения. Одежда жителей городка представлена многочисленными фрагментами лоскутов ткани разных размеров. В основном, это части или детали одежды из цветного сукна импортного производства. Остатков меховой одежды найдено немного. Подтверждают ее наличие находки выбивалок снега из меховой одежды – «янгаць» двух типов: из дерева (мужских), из рога оленя (женских). Кроме того, о зимней одежде мы можем судить по остаткам шубы в остячком квартале № I. По обнаруженным деталям реконструируется распахнутая шуба, по покрою прямоспинная, с верхом из зеленого сукна и подкладом из заячьего меха. Рукавицы шили из сукна в технике мозаики. Летом, вероятно, носили только суконный верх шубы без подкладки. Обувь характеризуется по находкам целых изделий и деталей двух видов. Первый – это сапоги с кожаной головкой и суконным голенищем. Второй вид – туфли с аналогичной кожаной головкой и суконным верхом, закрывающая стопу ниже лодыжки, наподобие русских «чирков». Найденная обувь, на 90% изготовлена

из привозного сырья (кожи и сукна). Пояса бытовали двух видов: кожаные с металлическими пряжками - мужские и суконные плетеные - женские. Найдены детали специфических женских поясов – «вороп», которые служили для гигиены половых органов.

Украшения костюма по материалу составляют пять групп. Первую группу составляют украшения из кости. Большинство этих украшений имеют местное происхождение. Подвески из костей животных – наиболее массовая категория. Украшения из олова составляют вторую группу декоративных изделий. Большинство из них – ажурные накладные украшения женской верхней одежды пяти типов. Значительную часть украшений из олова отливали здесь же, в городке, что подтверждается находками литейных форм из камня. Найдены фрагменты украшений головы (очелья, височные подвески, серьги) и рук (кольца, перстни). К этой же группе можно отнести бусины из стекла, кости и металла двух видов: бусины-пронизки и бусины-подвески. Из прочих украшений представлены также подвески разной формы, бляха-«зерцало», браслет, пуговица. В культурном слое конца XVI – первой трети XVIII вв. встречены украшения, изготовленные в IX–XV вв., а отдельные – и ранее. Это серия бронзовых и серебряных изделий различных типов. Возможно, эти предметы жители городка принесли с другого места, либо они долгое время бытовали у населения.

Одежда обитателей Надымского городка немногим отличалась от одежды аборигенов Северо-Западной Сибири конца XIX – первой половине XX вв. Исключение составляют украшения. Именно эта категория вещей претерпела значительные изменения. Практически полностью исчезли украшения из костей животных. Орнаментальные фризы из оловянных накладок к середине XX в. почти полностью заменились бисерными.

Во **втором параграфе** представлены *предметы охоты и рыболовства*. Эту группу составляют промысловое оружие и средства лова животных. Промысловое оружие представлено деталями луков, стрел, предметами снаряжения лучника, а также фрагментами самострелов. Детали лука и снаряжение лучника охарактеризуются как предметы многофункционального использования, поскольку их, безусловно, применяли и в качестве боевого оружия. К средствам лова отнесены детали ловушек давящего типа и рыболовные снасти.

Все фрагменты найденных охотничьих луков принадлежали сложносоставным моделям. Предметы снаряжения лучника представлены: щитками для защиты запястья, крюками крепления колчана, рубанками для оцилиндровки древков стрел. Стрелы в коллекции представлены либо фрагментами древков, либо отдельными наконечниками. Последние по материалу подразделяются на три группы: наконечники (стрелы) из дерева – томары; из кости и рога оленя 4-х основных типов; из железа 9-ти типов. Часть наконечников стрел могла быть предметом русского импорта. Равное соотношение наконечников «охотничьих» и универсальных «боевых» типов свидетельствует о значимости охоты в жизнедеятельности населения городка и о большом внимании к военному делу, причем наступательного характера.

Самострелы и ловушки представлены деталями и фрагментами. Население использовало два основных типа ловушек: самострелы и ловушки натяжного ударного действия (черкан). Все фрагменты от ловушек, типа «пасти». Их использовали для

добычи пушного зверя (соболя, горностая, белки).

Орудия рыболовства немногочисленны. О использовании сетей свидетельствуют находки поплавок, грузил и игл для вязания сетей. Найдены фрагменты от одной ловушки типа верши. К предметам рыбного промысла отнесено два типа крючков: железные с шипами (малые) и крюки железные большие – багры. Немногочисленность этих находок средств рыбной ловли явно свидетельствует о слабой развитости этой отрасли хозяйства.

Третий параграф характеризует *боевое оружие*. Большая часть предметов вооружения происходит из «клада оружия», который состоял из нескольких скоплений. Найденные за 1998–2005 гг. в составе «клада оружия» 45 предметов и фрагментов составляют единый комплекс с 19 клинками, обнаруженными ранее – в 1976 году Л.П. Хлобыстиным. Судя по условиям залегания, арсенал был спрятан во время последней осады городка – зимой 1730 года.

В итоге мы имели для анализа комплекс предметов вооружения, включающий 124 экземпляра целых изделий или фрагментов наступательного вооружения и защитного доспеха, включая найденные в других частях городка. Все обнаруженные при раскопках предметы вооружения составляют две большие группы. Первую образует холодное оружие, изготовленное с учетом местных традиций, связанных с особенностями эргономики и тактики боевых действиях. Клинки местных типов имеют длину от 25 до 65 см. Выделяются два вида туземного оружия ближнего боя: древковое и клинковое. Местные образцы клинкового оружия ближнего боя образуют три основных типа: слабоизогнутая сабля, палаш, боевой нож. Древковое оружие ближнего боя представлено двумя типами: клевец и копьё. Вторую группу составляют предметы импортного вооружения. В эту группу входит два вида вооружения: холодное оружие и защитный доспех. Клинковое оружие ближнего боя представлено двумя типами – сабли и мечи. Древковое оружие представлено тремя типами: пальма, топор боевой, ударное навершие (кистень?). Защитный доспех представлен только одним типом: кольчужным панцирем.

В составе арсенала выделяется комплект вооружения одного воина и, скорее всего, вождя. Остальные предметы составляли часть арсенала общинного ополчения и комплект кузнечных заготовок. Все импортные клинки перековывались с соблюдением местной формы. Факт относительно широкого распространения холодного оружия подобного вида и пропорций позволяет выделить надымский тип слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей, отличающихся устойчивой формой, характерной для вооружения западносибирского воина XVI – первой половины XVIII вв (*16. Кардаш, 2006*).

Четвертый параграф представляет *многофункциональные предметы быта и домашнего обихода*. Среди вещевого комплекса значительную часть составляют предметы многофункционального назначения, составляющие набор производственных орудий, предметов быта и домашнего обихода.

Ножи хозяйственные, специализированные составляют определенную группу, к которой отнесены все клинки ножей, длина которых составляет менее 20 см. Часть их заключена в рукоятях из дерева и рога. Кроме этого, имеются ножны из кожи и принадлежности для заточки: рукояти для удерживания лезвия ножа при

заточке и оселки. Все ножи в коллекции относятся к черенковым и составляют две категории: универсально-хозяйственные, специализированные хозяйственные ножи.

Инструменты и приспособления составляют группу орудий и изделий и их деталей, так или иначе используемых в различных технологических процессах. Топоры плотничьи представлены фрагментами русских топоров. Обнаружены деревянные топорща и скобы для ношения топора из рога оленя. Специализированных режущих инструментов три типа: нож-резец «ложкорез»; нож-пила; сверло (накопечник) лучковой дрели, которое, несмотря на однозначно интерпретируемую форму, использовалось жителями городка, закрепленным в рукояти обычных хозяйственных ножей; крюк-резец с заточенной плоскостью внутри изгиба.

Другие орудия и предметы быта немногочисленны. Это клинья для расщепления древесины, железные и медные лезвия скребков для обработки шкуры, ложила из межпозвоночных дисков кита (белухи), пяла для шкурки горноста. В коллекции имеются костяные проколки.

Швейные принадлежности составляют особую группу предметов, относящихся к категории женских ремесел, включавших шитье одежды и берестяной посуды. Её составляет серия изделий: сумка женская; железные швейные иглы; игольники двух видов: костяные и суконные; наперстки; мотвила.

Посуда и кухонная утварь составляют группу предметов, объединенных единым функциональным назначением. По материалу выделены пять групп посуды: металлическая, керамическая, деревянная, берестяная, костяная. Металлическая посуда представлена фрагментами медных котлов. К этой группе также относятся бронзовые полусферические чаши и серебряные блюда. Керамическая посуда представлена в основном фрагментами русских черных мореных горшков и мисок. Деревянную посуду составляют несколько типов изделий. К первому отнесены корыта нескольких подтипов, различающихся размерами и наличием ручек. Следующий тип составляют ложки: индивидуальные ложки и ковши-ложки. По причине близости формы и функционального назначения они рассматриваются вместе с костяными. Найдены детали русских бондарных изделий. Из других видов деревянной посуды имеются: круглое блюдо выточное на токарном станке, а также лопатки для помешивания. Берестяная посуда весьма многочисленна. Вся берестяная утварь делится на несколько типов: коробка (туеса); куженьки (корытца) большие и маленькие (индивидуальные, детские); короб-кузовок лишь один. Костяная посуда представлена костяными ложками и «ножами» для очистки рыбы от чешуи.

В группу прочих предметов домашнего обихода входят несколько видов изделий. Кресальный набор – комплект приспособлений и материалов для добывания огня: огнивные кремни, кресала (огнива) – стальные пластины, грибы-трутовики, кожаный мешочек для хранения такого комплекта. Сундуки и сундучные детали: накладки на замочную скважину, замок сундука, ключ, гвозди обивочные, фрагменты пластин из жести. Крюки двух видов: костяные для подвешивания и деревянные очажные. Гребни двух типов: трапециевидные и прямоугольные, циновка, веревка, лопаты для снега, колыбель.

Пятый параграф представляет *средства передвижения*. Нарточный транспорт представлен деталями нарт и элементами упряжи. По существующей типологической схеме ездовых нарт, они относятся к типу косокопильных. По форме копыльев и по-

лозьев они подразделяются на два вида: таежный вариант косокопильных нарт и тундровый вариант косокопильных нарт. Детали упряжи и оленеводческие принадлежности составляют две группы: детали недоузтков и блоки крепления упряжи к нарте. Найдены блоки для аркана («тынзяна»).

Лыжи, представлены фрагментами, целыми изделиями и заготовками. Они характеризуют два основных типа: лыжи-голицы и лыжи, подшитые мехом. Последние имеются в одном экземпляре.

Водный транспорт в коллекции представлен фрагментами и деталями судов. Все судовые детали подразделяются на две основные группы, соответствующие двум типам судов. Большие суда (морские) – кочи, представленные фрагментом доски бортового набора, судовыми скобами и гвоздями (судовыми?). Малые суда (речные) – лодки можно серией фрагментов принадлежавших легким гребным лодкам, корпус которых изготовлен из целого ствола дерева. Кроме частей корпуса были обнаружены фрагменты дополнительных бортов. Изготовлены все лодки были одинаково – с использованием техники определения толщины борта (выборки) с помощью деревянных штифтов цилиндрической формы. В процессе раскопок ни фрагментов тесел или дрейел, ни специфической стружки, образующейся при работе таким инструментом, ни других деревянных приспособлений, необходимых для изготовления лодки, не обнаружено. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что все лодки этого класса были привозными.

Шестой параграф содержит описание *игрушек и игр*. Традиционно к категории детских игрушек мы относим деревянные предметы, которые являются миниатюрной точной копией настоящих бытовых вещей. Тем не менее, и среди них есть предметы еще меньших размеров. Чаще всего это луки, стрелы. Возможно, они применялись и в других целях (может быть, ритуальных). Тем не менее, по размерам провести грань между вотивными вещами и утилитарными практически невозможно, поскольку при раскопках обнаружены модели бытовых вещей всех размеров, начиная от копии размером один к одному до уменьшенной во много раз. Вероятно, все эти модели предметов вооружения и бытовых вещей, составляя большую категорию детских игрушек, были предназначены для формирования умений и навыков в быту.

Игрушки-модели предметов для имитации занятий взрослых составляют почти половину всех изделий этой категории. Это предметы вооружения, орудия труда и промыслов, средства передвижения. Часть из этих предметов выполнена особо реалистично.

Бытовали специфические игры, способствовавшие развитию мелкой моторики (рук): игры с юлой – «щин» и в палочки – «сохэль-юх». При раскопках обнаружены деревянные диски разных диаметров с отверстиями посередине для игры с юлой «Корки» или «Шин». Найдено скопление из тонких колотых деревянных палочек для игры «Сохэль-юх». Кроме этого была особо популярна игра «тосьчер-вой», развивающая духовную сферу личности. Эта игра с изображениями человека, животных и предметов несла некую информацию об окружающем мире и его устройстве.

Седьмой параграф представляет *культурные предметы и ритуалы*. Всего к категории культурных и ритуальных предметов отнесено 100 изделий, которые составляют несколько групп. Объемные антропоморфные изображения представлены из-

делями трех типов: личины на палочках – «сядэи»; антропоморфные скульптуры с проработанными, зачастую объемными деталями головы и тела; монументальная скульптура.

Объемные зооморфные и птероморфные изображения составляют вторую и довольно значительную группу культовых предметов – целых фигурок и фрагментов: скульптурок оленя, птицы и животного без определения видовой принадлежности.

Ритуальные (сакральные) предметы образуют третью группу. Они близки по основе, из которой выполнены, но, тем не менее, разделены нами на три типа: дощечки для окуривания, ритуальные полочки, граффити на досках.

Музыкальные инструменты представлены одним местным типом – варган, выполненным кости. Кроме того, найдены импортные свистульки (или погремучки) в виде птичек из глины. Каких-либо деталей или фрагментов музыкальных инструментов, за исключением, варганов, достоверно неидентифицировано.

В целом можно заключить, что ритуальная деятельность жителей Надымского городка находит много параллелей в культовой практике аборигенных народов Северо-Западной Сибири, зафиксированной исследователями в конце XIX – XX вв. (*Л. Кардаш, 2000*).

Четвертая глава – «Вопросы социально-экономической реконструкции и этнической интерпретации» основана на данных, полученных в результате комплексных археологических исследований верхних слоев Надымского городка. С привлечением данных анализа исторических материалов и данных палеоэкологии, появилась возможность максимально достоверно реконструировать этнический состав, элементы общественного устройства, систему хозяйства и экономику аборигенного населения бассейна реки Надым.

Согласно нашим исследованиям, становится очевидным, что в основе экономики надымской общины была многокомпонентная система хозяйства. Отрасли имели разное значение в жизни обитателей городка. Основу экономики составляло присваивающее хозяйство. Охота, являвшаяся важнейшим компонентом хозяйственной системы надымцев, имела два направления, или специализации. Первая, удовлетворяла потребность населения в пище. Условно ее можно назвать «биоресурсной охотой» на северного оленя, зайца и белую куропатку. Вторая специализация охоты позволяла получить продукт для торговли – мех. Такую охоту можно охарактеризовать как товарную, или пушную. Основными промысловыми видами зверей были: песец, соболь, лисица, горностай, белка. Оленеводство и собаководство были важной частью хозяйства и способствовали высокой рентабельности присваивающей экономики. Население Надымского городка вряд ли имело крупностадное оленеводство. Даже в первой трети XVIII в., оленеводство удовлетворяло лишь транспортную и ритуальную потребности. Собаководство также удовлетворяло транспортную потребность и собаки использовались в охотничьем промысле. Содержание других животных, в частности свиней, носило эпизодический характер. Рыболовство, не играло большой роли в обеспечении населения городка продуктами питания.

Сбор дикоросов составлял незначительную часть занятий населения. Ягоды в пищу употребляли в небольшом количестве и далеко не все виды. Собирали ягоды

черемухи, смородины, морошки и княженики, которые растут в непосредственной близости от городка. Растущие же поодаль, на берегах рек и верховых болотах бруснику, клюкву, а также кедровые орехи не собирали вообще. В материальной культуре отсутствовала даже посуда для сбора, транспортировки и хранения ягод и орехов.

Ремесла, за исключением кузнечного, можно охарактеризовать как домашние, удовлетворявшие потребности отдельных семей. В специфическое производство выделяется металлообработка. Так, литейное производство ограничивалось изготовлением женских украшений из олова в односторонних литейных формах из камня.

Меновая торговля в XVII–XVIII вв. занимала важное место в системе жизнеобеспечения населения городка материалами, орудиями труда, оружием и предметами роскоши. По набору обнаруженных артефактов можно выделить две категории торгово-меновых отношений. Внешняя торговля с иноземными купцами, обеспечивавшая поступление предметов дальнего импорта. Основным предметом обмена, предлагаемым представителями надымской общины, была «мягкая рухлядь». К предметам дальнего импорта, получаемым в обмен и имевшим первоочередное значение, относились оружие, инструменты, металлическая посуда, ткань, кожа свиная, лодки. Торговля происходила, очевидно, в весеннее и летнее время, далеко за пределами городка где-то на побережье Обской губы. Основными торговыми партнерами жителей городка в XVII веке, по письменным источникам, были жители Пустозерска. Внутренняя торговля осуществлялась с членами ближайших общин аборигенного населения. Со стороны жителей городка на обмен могли предлагаться товары дальнего импорта, перекованная по местным образцам продукция кузнечного производства, охотничьи и ездовые собаки. С другой стороны – пушнина, рыба и олени. Этот обмен велся непосредственно на территории городка.

Многообразие типов бытовавших предметов в сочетании с результатами этнологических и антропологических исследований, а также архитектурно-конструктивные формы построек, выявленных при вскрытии верхних слоев Надымского городка, не оставляют сомнения в многоэтническом составе его обитателей. Это соотносится с общей этнической ситуацией и в более обширном регионе. Исследователи отмечают, что и сегодня ханты Нижнеобского этнокультурного ареала помнят, что обитателями древних городков были представители разных родов, племен и народов.

Основываясь на данных комплексных исследований, проведенных нами, можно утверждать, что в бассейне реки Надым в конце XVI – первой трети XVIII вв. проживали предки пяков – *пяд' хасово*, вероятно – древнесамодийская этническая группа, предки тундровых ненцев – *ям хасово* и предки хантов – *хаби*. Предков пяков и ненцев из-за языковой близости именовали «самоядью», а предков хантов – «остяками». Предки пяков, вероятно, были древним коренным населением Севера Западной Сибири, а предки ненцев и хантов – пришлым.

В этой связи планировочная структура жилой зоны городка по этнической принадлежности реконструируется следующим образом. В конце XVI – первой трети XVIII вв. квартал № VI и квартал № V, расположенные в самой престижной стороне – на восход солнца, принадлежали предкам пяков – древним аборигенам края.

С конца первой трети XVII в. квартал № IV и № III принадлежали предкам ненцев – семье вождя, вероятно, ставшей таковой в результате междинастического и межэтнического брака древних родов *няд' хасово* и *ям хасово*. Северные кварталы № II и № I, расположенные в менее престижной части, принадлежали осяткам – предкам ханты.

Результаты комплексного исследования позволяют определить Надымский городок периода XVII – первой трети XVIII вв. как военно-политический центр, зимнюю резиденцию вождя Большой Карачеи. Надымский городок, предположительно, был резиденцией вождя военно-политического объединения, включавшего несколько самостоятельных территориальных общин.

Документы, содержащие информацию о «воровских» операциях Большой Карачеи, упоминают в составе военных отрядов от 8 до 11 наименований родов «Карачейской и Закаменной самоеди». Скорее всего, это соответствовало количеству территориальных родовых общин, входивших в состав этого объединения («княжества»).

Проникновение осятков в бассейн реки Надым произошло в конце XVI века или ранее и, скорее всего, было мирным. В этой связи их положение в территориальной общине, вероятно, не могло быть полноправным.

Активная русская колонизация региона, начавшаяся с конца XVI в. не могла не повлиять на этническую ситуацию в регионе. Возможно, именно с этими событиями связана миграция предков Карачейской самоеди на восток в низовья Оби и вдоль южного побережья Обской губы к Надыму. Единственный способ получить равноправную возможность жить и пользоваться этой территорией – завоевать ее. Судя по многочисленным легендам, длительное военное противостояние Надымских пяков карачеям завершилось принятием мирного решения, которое скрепили брачным союзом представителей враждующих сторон. Междинастический брак детей или родственников вождей общин вполне мог решить такой конфликт.

Таким образом, к концу первой трети XVII века сформировался многоэтничный альянс, объединявший представителей разных этнических групп, выполнявших разные хозяйственные и производственные функции в пределах одной территории. Экономической силе такого альянса не могло противостоять ни одно туземное «княжество» Северо-Западной Сибири. Объединение Большой Карачеи, которое, по нашему мнению, произошло в конце первой трети XVII в., позволило начать «сопротивление» русской колонизации.

В **заключении** приводятся основные результаты исследования. Констатируется, что комплексное исследование источников выявленных в процессе изучения Надымского городка, позволяет подойти к решению ряда проблем общеисторического характера, связанных с этнополитической историей такого малоизученного обширного региона как Северо-Западная Сибирь. Как оказалось, менее всего известны судьбы местных жителей в эпоху освоения и заселения этого края русскими в конце XVI – первой трети XVIII вв. (*15. Кардаш, 2005*)

В результате проведенных раскопок стало возможным охарактеризовать Надымский городок, прежде всего, как неординарный памятник культуры северных абorigенов. Это связано с той ключевой ролью, которую играли его хозяева в XVII веке на обширной территории Субарктики – от устья реки Печоры (г. Пустозерск) в

Европе до устья реки Таз (г. Мангазея) в Азии. Что же касается принадлежности Надымского городка, то его можно атрибутировать как зимнюю резиденцию вождей военно-политического объединения Большая Карачея (17. *Кардаш, 2006*). С другой стороны, городок и его жителей можно охарактеризовать как яркий пример культурного, экономического и общественного развития туземного населения в первоначальный период русской колонизации Сибири. Это позволяет выделить раннеколониальную стадию развития для аборигенной культуры.

В приложениях представлены делопроизводственные документы из фонда Сибирского приказа, этнографические материалы: легенды и описания игр, собранные автором, а также таблицы, в которых нашли отражение статистические данные, как по комплексам артефактов, так и остатков древесины, растений и костных остатков, извлеченных из слоев Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII вв. Кроме того, в приложении представлены картографические материалы, чертежи, архитектурные реконструкции, фотоматериалы и рисунки артефактов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Религия. Глава VIII. // Салымский край. Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2000. С. 239–290 (в соавторстве с Ивасько Л.В.).

2. Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. Москва: Изд-во Института Наследия, 2000. 74 с. (в соавторстве с Боярским П.В., Визгаловым Г.П., Ивасько Л.В., Суминым В.В., Шульгиным П.М.).

3. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в 17 в. (по материалам археологических исследований) // Культурное наследие народов Западной Сибири. Русские. Тез. докл. III Сибирского симпозиума. Тобольск–Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 60–62.

4. Материальная культура населения низовий реки Надым в 17 – начале 18 вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 209–211.

5. Костные остатки из постройки 8 Надымского городка // Культурное наследие народов Западной Сибири. Самодийцы. Тез. докл. IV Сибирского симпозиума. Тобольск–Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 129–131 (в соавторстве с Косинцевым П.А., Лобановой Т.В.).

6. Легендарные городища Салымского края // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 53–62.

7. Материальная культура остяков Надымского городка // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск). Тезисы докладов. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 318–320.

8. Опыт сохранения археологического объекта от естественных разрушений (на примере Надымского городища) // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск). Тезисы докладов. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 410–412.

9. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. науч. семинара 18–19 ноября. Тюмень: Изд-во ИПОС, 2002. С. 22–24 (в соавторстве с Горячевым В.М., Горячевой Т.Д.).

10. Комплексное исследование Надымского городища в 2002 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Сб. статей. Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 262–263.

11. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тюмень, 2003. С. 88–90.

12. Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Сб. статей. Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 375–379.

13. Историко–архитектурные исследования в п. Горноknязевск Приуральского района ЯНАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Сб. статей. Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 475 – 478 (в соавторстве с Ивасько Л.В.).

14. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов // Научный вестник. Выпуск № 4 (35). Обдорья: История, культура, современность. Салехард: Изд-во Красный Север, 2005. С. 31–35.

15. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 17–20.

16. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Том II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. С. 126–129.

17. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. С. 128–131.